

Повесть временных лет

Автор:

Летописец Нестор

Повесть временных лет

Летописец Нестор

«Повесть временных лет» – летопись, рассказывающая о происхождении русской земли, о первых русских князьях и о событиях X – начала XII в.

Повесть временных лет

Древнерусский текст

СЕ ПОВЕСТИ ВРЕМЯНЫХ ЛЕТ, ОТКУДУ ЕСТЬ ПОШЛА РУСКАЯ ЗЕМЛЯ, КТО В КИЕВЕ НАЧА ПЕРВЕЕ КНЯЖИТИ, И ОТКУДУ РУСКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ

Се начнем повесть сию.

По потопе трие сынове Ноеви разделиша землю, Сим, Хам, Афет. И яся восток Симови: Персида, Ватрь, доже и до Индикия в долготу, и в ширину и до Нирокурия, якоже рещи от востока и до полуденья, и Сурия, и Мидия по Ефрат реку, Вавилон, Кордуна, асуряне, Месопотамия, Аравия Старейшая, Елмаис, Инди, Аравия Силная, Колия, Комагини, Финикия вся.

Хамови же яся полуденная страна: Еюпет, Ефивопись, прилежащая ко Индом, другая же Ефивопись, из нея же исходить река ефиопская Чермна, текущи на восток, Фива, Ливия, прилежащи до Курина, Мармарья, Сурьти, Ливия другая,

Нумидья, Масурия, Мавританья противу суши Гадире. Сушим же ко востоком имать Киликию, Памфилию, Писидию, Мисию, Лукаонию, Фругию, Камалию, Ликию, Карию, Лудью, Мисию другую, Троаду, Еолиду, Вифунию, Старую Фругию; и острова неки имать: Сарьдани, Крит, Купр, и реку Геону, зовемую Нил.

Афету же яшася полунощныя страны и западныя: Мидия, Альванья, Арменья Малая и Великая, Кападокия, Фефлагоии, Галат, Кольхись, Воспории, Меоти, Дереви, Сармати, Тавриани, Скуфия, Фраци, Макидонья, Далматия, Малоси, Фесалья, Локрия, Пеления, яже и Полопонис наречеса, Аркад, Япиронья, Илюрик, Словене, Лухитиа, Андриокия, Оньдрейтиньская пучина. Имають же и острова: Вротанию, Сикилию, Явию, Родона, Хиона, Лезовона, Кофирана, Закунга, Кефалинья, Ифакину, Керькуру, часть Асийския страны, нарицаемую Онию, и реку Тигру, текущую межю Миды и Вавилономь; до Понетьского моря, на полнощныя страны, Дунай, Дьнестр и Кавкаисинския горы, рекше Угорьски, и оттуде доже и до Днепра, и прочая реки: Десна, Припеть, Двина, Волхов, Волга, яже иду на восток, в часть Симову. В Афетове же части седять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, мордва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимегола, корсь, летьгола, любь. Ляхове же, и пруси, чюдь преседять к морю Варяжьскому. По сему же морю седять варязи семо ко востоку до предела Симова, по тому же морю седять к западу до земле Агнянски и до Волошьски. Афетово бо и то колено: варязи, свей, урмане, готе, русь, агняне, галичане, волхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочий, ти же приседять от запада к полуденью и сседяться с племянем Хамовым.

Сим же и Хам и Афет, разделивше землю, жребьи метавше, не преступати никомуже в жребий братень, и живяху кождо в своей части. Бысть язык един и умножившемся человеком на земли, и помыслиша создати столп до небесе, в дни Нектана и Фалека. И собращася на месте Сенар поли здати столп до небесе и град около его Вавилон; и созда столп то за 40 лет, и не свершен бысть. И сниде господь бог видети град и столп, и рече господь: «Се род един и язык един». И смеси бог языки, и раздели на 70 и 2 языка, и рассея по всей земли. По размешеньи же язык бог ветром великим разруши столп, и есть останок его промежю Асюра и Вавилона, и есть в высоту и в ширину локот 5433 локти, и в лета многа храним останок.

По размешеньи же столпа и по разделеньи язык прияша сынове Симови восточныя страны, а Хамови сынове полуденьныя страны. Афетови же прияша запад и полунощныя страны. От сих же 70 и 2 языку бысть язык словенеск, от племени Афетова, нарци, еже суть словене.

По мнозех же времянех сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. От тех словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте. Яко пришедше седоша на реце имянем Марави, и прозвашася морава, а друзии чеси нарекошася. А се ти же словени: хрвате белии и серебрь и хорутане. Волхом бо нашедшем на словени на дунайския, и седшем в них и насилящем им, словени же ови пришедше седоша на Висле, и прозвашася ляхове, а от тех ляхов прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне.

Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесех; а друзии седоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; инии седоша на Двине и нарекошася полочане, речки ради, яже втечеть в Двину, имянем Полота, от сея прозвашася полочане. Словени же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своим имянем, и сделаша град и нарекоша и? Новгород. А друзии седоша по Десне, и по Семи, по Суле, и нарекошася север. И тако разидеся словеньский язык, темже и грамота прозвася словеньская.

Поляном же жившим особе по горам сим, бе путь из Варяг в Греки и из Греков по Днепру, и верх Днепра волок до Ловоти, и по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волхов и втечеть в озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в Понт море, в не же втечет Днепр река. Днепр бо потече из Оковьскаго леса, и потечеть на полдне, а Двина ис того же леса потечет, а идеть на полунощье и внидеть в море Варяжское. Ис того же леса потече Волга на восток, и втечеть семьюдесят жерел в море Хвалисьское. Темже и из Руси можеть ити по Волзе в Болгары и в Хвалисы, и на восток дойти в жребий Симов, а по Двине в Варяги, из Варяг до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепр втечеть в Понетьское море жерелом, еже море словеть Руское, по нему же учил святой Оньдрей, брат Петров, якоже реша.

Оньдрею учащю в Синопии и пришедшю ему в Корсунь, уведо, яко ис Корсуня близь устье Днепрское, и възхоте поити в Рим, и проиде в вустье Днепрское, и оттоле поиде по Днепру горе. И по приключая приде и ста под горами на березе. И заутра встав и рече к сущим с ним учеником: «Видите ли горы сия? – яко на сих горах восияеть благодать божья; имать град велик быти и церкви многи бог въздвигнути имать». И вшед на горы сия, благослови я, и постави крест, и помолився богу, и слез с горы сея, идеже послеже бысть Киев, и поиде по

Днепру горе. И приде в словени, идеже ныне Новгород, и виде ту люди сушая, како есть обычай им, и како ся мыють и хвощются, и удивися им. И иде в Варяги, и приде в Рим, и исповеда, елико научи и елико виде, и рече им: «Дивно видех Словеньскую землю идучи ми семо. Видех бани древены, и пережьгутъ е рамяно, и совлокуться, и будутъ нази, и облеются квасом усниянымъ, и возмутъ на ся прутье младое, и бьютъ ся сами, и того ся добьютъ, одва вылезутъ ле живи, и облеются водою студеною, и тако ожиуть. И то творять по вся дни, не мучими никимже, но сами ся мучать, и то творять мовенье себе, а не мученье». Ты слышаще дивляхуса. Ондрей же, быв в Риме, приде в Синопию.

Полям же жившем особе и владеющем роды своими, иже и до сее братье бяху поляне, и живяху кождо с своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим. И быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, и сестра их Лыбедь. Седяше Кий на горе, гдеже ныне увоз Боричев, а Щек седяше на горе, гдеже ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от него же прозвася Хоревича. И створиша град во имя брата своего старейшаго, и нарекоша имя ему Киев. Бяше около града лес и бор велик, и бяху ловяща зверь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуса поляне, от них же есть поляне в Киеве и до сего дне.

Ини же, не сведуще, рекоша, яко Кий есть перевозник был, у Киева бо бяше перевоз тогда с оной стороны Днепра; темь глаголаху: на перевоз на Киев. Аще бо бы перевозник Кий, то не бы ходил Царюгороду; но се Кий княжаше в роде своемъ, приходившю ему ко царю, якоже сказаютъ, яко велику честь приял от царя, при которомъ приходив цари. Идущю же ему опять, приде к Дунаеви, и взлюби место, и срубил градок мал, и хотяше сести с родом своим, и не даша ему ту близъ живущии; еже и донине наречють дунайци городище Киевецъ. Киеви же пришедшю в свой град Киев, ту живот свой сконча; и брат его Щек, и Хорив, и сестра их Лыбедь ту скончашася.

И по сих братьи держати почаша род их княженье в полях, а в деревлях свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новгороде, а другое на Полоте, иже полочане. От них же кривичи, иже седять на верх Волги, на верх Двины и на верх Днепра, их же град есть Смоленск; туда бо седять кривичи. Таже север от них. На Белеозере седять весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере меря же. А по Оце реце, где втечетъ в Волгу, мурома язык свой, и черемиси свой язык, мордва свой язык. Се бо токмо словенск язык в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, север, бужане, зане седоша по Бугу, послеже же велыняне. А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: чюдь, меря, весь,

мурома, черемись, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нерома, либь: си суть свой язык имуще, от колена Афетова, иже живут в странах полунощных.

Словенску же языку, якоже рекохом, живуцю на Дунаи, придоша от скуф, рекше от козар, рекомии болгаре, и седоша по Дунаеви, и населници словеном быша. Посемь придоша угри белии, и наследиша землю словенску. Си бо угри почаша быти пр-Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя перьскаго. В си же времена быша и обри, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша. Си же обри воеваху на словенех, и примучиша дулебы, сущая словены, и насилье творяху женам дулебским: аще поехати будяше обрину, не дадыше впрячи коня ни вола, но веляше впрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли жен в телегу и повести обрена, и тако мучаху дулебы. Быша бо обре телом велици и умом горди, и бог потреби я, помроша вси, и не остана ни един обрин. И есть притча в Руси и до сего дне: погибоша аки обре; их же несть племени ни наследка. По сих же придоша печенези; паки идоша угри чернии мимо Киев, послеже при Олзе.

Поляном же жиущем особе, якоже рекохом, сущим от рода словенска, и нарекошася поляне, а деревляне от словен же, и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи от ляхов. Бяста бо 2 брата в лясах, – Радим, а другой Вятко, – и пришедша седоста Радим на Сжю, и прозвашася радимичи, а Вятко седе с родом своим по Оце, от него же прозвашася вятичи. И живяху в мире поляне, и деревляне, и север, и радимичи, вятичи и хрвате. Дулеби живяху по Бугу, где ныне вельняне, а улучи и тиверьци седяху бо по Днестру, приседяху к Дунаеви. Бе множество их; седяху бо по Днестру оли до моря, суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от Грек Великая скуфь.

Имяху бо обычаи свои, и закон отец своих и преданья, кождо свой нрав. Поляне бо своих отець обычай имуть кроток и тих, и стыденье к снохам своим и к сестрам, к матерем и к родителем своим, к свекровем и к деверем велико стыденье имеху, брачный обычай имяху: не хожаше зять по невесту, но приводяху вечер, а завтра приношаху по ней что вдадуче. А древляне живяху звериньским образом, живуще скотски: убиваху друг друга, ядыху вся нечисто, и брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девиця. И радимичи, и вятичи, и север один обычай имяху: живяху в лесе, якоже и всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословье в них пред отьци и пред снохами, и браци не бываху в них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовская песни, и ту умыкаху жены себе, с нею же кто свещашеся; имяху же по две и по три жены. И аще кто умряше, творяху трызну над ним, и по семь

творяху кладу велику, и възложашуть и? на кладу, мертвеца сожьжаху, и посемь собравше кости вложашу в судину малу, и поставляху на столпе на путех, еже творять вятичи и ныне. Си же творяху обычая кривичи и прочии погании, не ведуще закона божия, но творяще сами себе закон.

Глаголеть Георгий в летописаньи. «Ибо комуждо языку овем исписан закон есть, другим же обычай, зане закон беззаконником отечество мнится. От них же первые сирии, живуше на конец земля, закон имуть отець своих обычай: не любодяти и прелюбодяти, ни красти, ни оклеветати, ли убити, ли зло деяти весьма. Закон же и у вактриян, глаголеми врахмане и островьници, еже от прадед показаньемь и благочестьемь мяс не ядуше, ни вина пьюше, ни блуда творяще, никакая же злобы творяще, страха ради многа и божия веры. Ибо яве таче прилежащим к ним индиом – убийстводейици, сквернотворяще, гневливи паче естества; ли в нутрьнейши стране их человек ядуше и страньствующих убивашу, паче же ядят яко пси. Етер же закон халдеем и вавилоньямъ: матери поимати, с братними чады блуд деяти, и убивати. И всякое бестудное деянье яко добродетелье мнятся деюще, любо далече страны своя будуть.

Ин же закон гилиомъ: жены в них орють, зижють храми и мужская дела творять, но любы творять елико хочеть, не вздержаеми от мужий своих весьма, ли зазрять; в них же суть храброя жены ловити зверь крепкыи. Владеють же жены мужи своими и добляють ими. Во Вретаньи же мнози мужи с единою женою спять, и многы жены с единым мужем похотьствуютъ: беззаконная яко закон отець творять независтьно ни вздержаньно. Амазоне же мужа не имуть, но и аки скот бесловесный единою летом к вешним днем оземьствени будуть; и сочтаются с окрестными мужи, яко некоторое им торжество и велико празденьство время то мнать. От них заченшим в чреве, паки разбегнутся отсюду вси. Во время же хотящим родити, аще родится отроча, погубять; еще девическ пол, то въздоять и прилежне възпитають».

Якоже се и при нас ныне половци закон держать отець своих: кровь проливати, а хвалящися о сем, и ядуше мерьтвечину и всю нечистоту, хомеки и сусолы, и поимають мачехи своя и ятрови, и ины обычая отець своих. Мы же, хрестияне, елико земля, иже верують в святую Троицю, в едино крещенье, в едину веру, закон имам един, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся.

По сих же летех, по смерти братье сея, быша обидимы древлями и инеми околними. И наидоша я козаря, сидящая на горах сих в лесех, и реша козари: «Платите нам дань». Сдумавше же поляне и вдаша от дыма мечь, и несоша

козари ко князю своему и к старейшиным, и реша им: «Се, налезохом дань нову». Они же реша им: «Откуда?». Они же реша: «В лесе на горах, над рекою Днепрскою». Они же реша: «Что суть вдали?». Они же показаша мечь. И реша старци козарьстии: «Не добра дань, княже! Мы ся доискахом оружьемъ одною стороною, рекше саблями, а сих оружье обоуду остро, рекше мечь. Си имуть имати дань на нас и на инех странах». Се же сбься все: не от своая воля рекоша, но от божья повеленья. Яко и при Фаравоне, цари еюпетьстемь, егда приведоша Моисея пред Фаравона, и реша старейшина фараоня: «Се хочеть смирити область Еюпетьскую»; якоже и бысть: погибоша еюптяне от Моисея, а первое быша работающе им. Тако и си: владеша, и послеже самими владеють; якоже и бысть: владеють бо козары русьскии князи и до днешнего дне.

В лето 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О сем бо уведахом, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгород, якоже пишется в летописаньи гречьстемь. Темже отселе почнем и числа положим, яко «От Адама до потопа лет 2242; а от потопа до Аврама лет 1000 и 82, а от Аврама до исхоженья Моисеева лет 430; а от исхожения Моисеева до Давида лет 600 и 1; а от Давида и от начала царства Соломона до плененья Ярусалимля лет 448; а от плененья до Олександра лет 318; а от Олександра до рожества Христова лет 333; а от Христова рожества до Коньстянтина лет 318; от Костянтина же до Михаила сего лет 542». А от перваго лета Михайлова до перваго лета Олгова, рускаго князя, лет 29; а от перваго лета Олгова, понелиже седе в Киеве, до перваго лета Игорева лет 31; а от перваго лета Игорева до перваго лета Святъславля лет 33; а от перваго лета Святославля до перваго лета Ярополча лет 28; а Ярополк княжи лет 8; а Володимер княжи лет 37; а Ярослав княжи лет 40. Темже от смерти Святослав ли до смерти Ярославли лет 85; а от смерти Ярославли до смерти Святополчи лет 60.

Но мы на прежнее возвратимся и скажем, што ся здея в лета си, якоже преже почали бяхом первое лето Михайлом, а по ряду положим числа.

В лето 6361. В лето 6362. В лето 6363. В лето 6364.

В лето 6365.

В лето 6366. Михаил царь изиде с вои брегом и морем на болгары. Болгаре же увидевше, яко не могоша стати противу, креститися просиша и покоритися греком. Царь же крести князя их и боляры вся, и мир створи с болгары.

В лето 6367. Имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенех, на мери и на всех кривичех. А козари имаху на полянех, и на сезерех, и на вятичех, имаху по беле и веверице от дыма.

В лето 6368. В лето 6369.

В лето 6370. Изгнаша варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и въста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе: «Поищем собе князя, иже бы володел нами и судил по праву». И идоша за море к варягом, к руси. Сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, англяне, друзии гте, тако и си. Реша руси чюдь, словени, и кривичи и весь: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет. Да поидете княжит и володети нами». И изъбрашася 3 братья с роды своими, пояша по себе всю русь, и придоша; старейший, Рюрик, седе Новегороде, а другой, Синеус, на Белеозере, а третий Изборьсте, Трувор. И от тех варяг прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо беша словени. По дву же лету Синеус умре и брат его Трувор. И прия власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городом суть находници варязи, а перьвии насельници в Новегороде словене, в Полотьски кривичи, в Ростове меря, в Белеозере весь, в Муроме мурома; и теми всеми обладаше Рюрик. И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родом своим. И поидо ста до Днепру, и идуче мимо и узреста на горе градок. И упрошаста и реста: «Чий се градок?». Они же реша: «Была суть 3 братья, Кий, Щек, Хорив, иже сделаша градоко съ, и изгибоша, и мы седим, род их, платяче дань козаром». Асколд же и Дир остаста в граде семь, и многи варяги свокуписта, и начаста владети польскою землею, Рюрику же княжащу в Новегороде.

В лето 6371. В лето 6372. В лето 6373.

В лето 6374. Иде Асколд и Дир на греки, и прииде в 14 лето Михаила царя. Царю же отшедшю на огаряны, дошедшю же ему Черные реки, весть епарх посла к нему, яко русь на Царьгород идетъ, и вратися царь. Си же внутрь Суду вшедше, много убийство крестьяном створиша, и в двою сот корабль Царьград оступиша. Царь же едва в град вниде, и с патреярхом с Фотьем к сущей церкви святей богородице Влахерне всю ночь молитву створиша, та же божественую святы богородиця ризу с песними изнесше, в мори скуть омочивше. Тишине суши и

морю укротившюся, абье буря въста с ветром, и волнам вельям вставшем засобь, безбожных Руси корабля смяте, и к берегу приверже, и изби я, яко мало их от таковыя беды избегнути и всояси возвратишася.

В лето 6375.

В лето 6376. Поча царствовати Василий.

В лето 6377. Крещена бысть вся земля Болгарьская.

В лето 6378. В лето 6379. В лето 6380. В лето 6381.

В лето 6382. В лето 6383. В лето 6384. В лето 6385.

В лето 6386.

В лето 6387. Умершю Рюрикови, предасть княженье свое Ольгови, от рода ему суща, вдав ему сын свой на руце Игоря, бе бо детеск вельми.

В лето 6388. В лето 6389.

В лето 6390. Поиде Олег, поим воя многи, варяги, чюдь, словени, мерю, весь, кривичи, и приде к Смоленску с кривичи, и прия град, и посади муж свои. Оттуда поиде вниз, и взя Любець, и посади муж свои. И придоста к горам х киевским, и уведа Олег, яко Осколд и Дир княжита, и похорони вои в лодьях, а другия назади остави, а сам приде, нося Игоря детьска. И приплу под Угорьское, похоронив вои своя, и присла ко Асколду и Дирови, глаголя, яко «Гость есмь, идем в Греки от Олга и от Игоря княжича. Да придета к нам, к родом своимъ». Асколд же и Дир придоста, выскакав же вси прочии из лодья, и рече Олег Асколду и Дирови: «Вы неста князя, ни рода княжа, но аз есмь роду княжа», и вынесоша Игоря: «А се есть сын Рюриковъ». И убиша Асколда и Дира, и несоша на гору, и погребоша и? на горе, еже ся ныне зоветь Угорьское, кде ныне Олмин двор; на той могиле поставил Олма церковь святого Николу; а Дирова могила за святою Ориною. И седе Олег княжа в Киеве, и рече Олег: «Се буди мати градом русьским». И беша у него варязи и словени и прочи, прозвашася русью. Сей же Олег нача города ставити, и устави дани словеном, кривичем и мери, и устави варягом дань даяти от Новагорода гривен 300 на лето, мира деля, еже до

смерти Ярославле даяше варягом.

В лето 6391. Поча Олег воевати деревляны, и примучив а, имаше на них дань по черне куне.

В лето 6392. Иде Олег на северяне, и победи северяны, и взложи на нь дань легку, и не даст им козаром дани платити, рек: «Аз им противен, а вам не чему».

В лето 6393. Посла к радимичем, рька: «Кому дань даете?». Они же реша: «Козаром». И рече им Олег: «Не дайте козаром, но мне дайте». И ведаша Ольгови по щьягу, якоже и козаром даяху. И бе обладая Олег поляны, и деревляны, и северяны, и радимичи, а с уличи и теверци имяше рать.

В лето 6394.

В лето 6395. Левон царствова, сын Васильев, иже Лев прозвася, и брат его Олександр, иже царствоваста лет 20 и 6.

В лето 6396. В лето 6397. В лето 6398. В лето 6399. В лето 6400. В лето 6401. В лето 6402. В лето 6403. В лето 6404. В лето 6405.

В лето 6406. Идоша угри мимо Киев горою, еже ся зоветь ныне Угорьское, пришедше к Днепру и сташа вежами; беша бо ходяще, аки се половци. Пришедше от востока и устремишася черес горы великия, иже прозвашася горы Угорьския, и почаша воевати на живушая ту волохи и словени. Седяху бо ту прежде оловени, и волохове прияша землю словеньску. Посем же угри прогнаша волхи, и наследилша землю ту, и седоша с словены, покоривше я под ся, и оттоле прозвася земля Угорьска. И начаша воевати угри на греки, и поплениша землю Фрачьску и Макидоньску доже и до Селуня. И начаша воевати на мораву и на чехи. Бе един язык словенескъ: словени, иже седяху по Дунаеви, их же прияша угри, и моравы, и чехи, и ляхове, и поляне, яже ныне зовомая русь. Сим бо первое предложены книги мораве, яже прозвася грамота словеньская, яже грамота есть в Руси и в болгарех дунайских.

Словеном живущим крещеным и князем их, Ростислав, и Святополк, и Коцел послаша ко царю Михаилу, глаголюще: «Земля наша крещена, и несть у нас учителя, иже бы ны наказал, и поучал нас, и протолковал святыя книги. Не разумеем бо ни гречьску языку, ни латыньску; о?ни бо ны онако учать, а о?ни бо

ны и онако. Темже не разумеем книжнаго образа, ни силы их. И послете ны учителя, иже ны могутъ сказати книжная словеса и разум их». Се слыша царь Михаил, и созва философы вся, и сказа им речи вся словенских князь. И реша философи: «Есть муж в Селуни, именован Лев. Суть у него сынове разумиви языку словенску, хитра 2 сына у него философа». Се слышав царь, посла по ня в Селунь ко Львови, глаголя: «Посли к нам вскоре сына своя, Мефодия и Костянтина». Се слышав Лев, вскоре посла я?, и придоста ко цареви, и рече има: «Се прислалася ко мне Словенская земля, просящи учителя себе, иже бы могъ им протолковати святыя книги; сего бо желаютъ». И умолена быста царем, и послаша я в Словенскую землю к Ростиславу, и Святополку и Кцьлови. Сима же пришедшема, начаста сставлявати писмена азбуковьяная словенски, и преложиста Апостол и Еуангелъе. И ради быша словени, яко слышиша виличья божья своимъ языкомъ. Посем же преложиста Псалтырь, и Охтаик, и прочая книги. Неции оке начаша хулити словенския книги, глаголюще, яко «Не достоитъ ни которому же языку имети букв своих, разве евреи, и грек и латин, по Пилатову писанью, еже на кресте господни написа». Се же слышав папезь римский, похули тех, иже ропыщють на книги словенския, река: «Да ся исполнить книжное слово, яко «Всхвалять бога вси языци»; другое же: «Вси възглаголють языки величья божья, якоже дасть им святыи дух отвещевати». Да аще хто хулитъ словенскую грамоту, да будетъ отлучен от церкви, донде ся исправитъ: ти бо суть волци, а не овца, яже достоитъ от плода знати я и хранитися их. Вы же, чада, божья послушайте ученья и не отрините наказанья церковного, якоже вы наказал Мефодий, учитель вашъ». Костянтин же взратився вспять, и иде учитъ болгарскаго языка, а Мефодий оста в Мораве. Посем же Коцел князь постави Мефодья епископа в Пании, на столе святого Андроника апостола, единого от 70, ученика святого апостола Павла. Мефодий же посади 2 попа скорописца зело, и преложи вся книги исполнь от гречьска языка в словенск 6-ю месяц, начеи от марта месяца до двудесяту и 6-ю день октября месяца. Окончав же, достойно хвалу и славу богу въздасть, дающему такую благодать епископу Мефодью, настольнику Андронику. Темже словенску языку учитель есть Андроник апостол. В Моравы бо ходил и апостол Павел учил ту; ту бо есть Илюрик, его же доходил апостол Павел; ту бо беша словене первое. Темже и словенску языку учитель есть Павел, от него же языка и мы есмо русь, темже и нам руси учитель есть Павел, понеже учил есть язык словенск и поставил есть епископа и намесника по себе Андроника словенску языку. А словенский язык и русский одно есть, от варяг бо прозвашася русью, а первое беша словене; аще и поляне звахуся, но словенскаяа речь бе. Полями же прозвани быши, зане в поли седяху, а язык словенски един.

В лето 6407. В лето 6408. В лето 6409.

В лето 6410. Леон царь на угры на болгары. Угре же, нашедше, всю землю Болгарску пленоваху. Семион же уведев, на угры взратися, и угре противу поидоша и победиша болгары, яко одва Семион в Дерстр убежа.

В лето 6411. Игореве же возрастъшю, и хожаше по Олзе и слушаше его, и привелоша ему жену от Пскова, именем Олгу.

В лето 6412. В лето 6413. В лето 6414.

В лето 6415. Иде Олег на Греки. Игоря оставив Киеве, поя же множество варяг, и словен, и чюдъ, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и северо, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверци, яже суть толковины: си вси звахуться от грек Великая скуфь. И с сими со всеми поиде Олег на конех и на кораблех, и бе числом кораблей 2000. И прииде к Царюграду; и греци замкоша Суд, а град затвориша. И выиде Олег на брег, и воевати нача, и много убийства сотвори около града греком, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви. А их же имаху пленники, овех посекаху, другиа же мучаху, инья же растреляху, а другыя в море вметаху, и ина многа зла творяху русь греком, елико же ратнии творять.

И повеле Олег воем своим колеса изделати и воставляти на колеса корабля. И бывшую покосну ветру, вспя парусы с поля, и идяше к граду. И видезше греци и убояшася, и реша, выславше ко Олгови: «Не погубляй града, имемся по дань, якоже хочещи». И устави Олег воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не приа его – бе бо устроено со отравою. И убояшася греци и реша: «Несть се Олег, но святой Дмитрий, послан на ны от бога». И заповеда Олег дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривен на человек, а в корабли по 40 муж.

И яшася греци по се, и почаша греци мира просити, дабы не воевал Грецкие земли. Олег же мало отступи от града, нача мир творити со царьма грецкима, со Леоном и Александром, посла к нима в град Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, глаголя: «Имите ми ся по дань». И реша греци: «Чего хочещи, дамы ти»...

И рече Олег: «Исшийте парусы паволочиты руси, а словенем кропиньныя», и бысть тако. И повеси щит свой в вратех, показуа победу, и поиде от Царяграда. И воспяша русь парусы паволочиты, а словене кропинны, и раздра а ветр; и реша словени: «Имемся своим толстинам, не даны суть словенем пре паволочиты». И

приде Олег к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье. И прозваша Олга – вещей: бяху бо людье погани и невеигласи.

В лето 6416. В лето 6417. В лето 6418.

В лето 6419. Явися звезда велика на западе копейным образом.

В лето 6420. Посла мужи свои Олег построити мира и положити ряд межю Русью и Греки...

Царь же Леон почти послы русские дарми, златом, и паволоками и фофудьями, и пристави к ним мужи свои показати им церковную красоту, и полаты златые и в них сущаа богатество, злата много и паволоки и камъные драгое, и страсти господня и венець, и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святых, учаще я к вере своей и показующе им истинную веру. И тако отпусти а во свою землю с честью великою. Послании же Олгом посли приидоша ко Ольгови, и поведаша вся речи обою царю, како сотвориша мир, и уряд положиша межю Грецкою землею и Рускою и клятвы не преступити ни греком, ни руси.

И живяше Олег мир имеа ко всем странам, княжа в Киеве. И приспе осень, и помяну Олег конь свой, иже бе поставил кормити и не вседати на нь. Бе бо впрашал волхвов и кудесник: «От чего ми есть умрети?» И рече ему кудесник один: «Княже! Конь, его же любиши и ездиси на нем, от того ти умрети». Олег же приим в уме, си рече: «Николи же всяду на нь, ни вижду его боле того». И повеле кормити и? и не водити его к нему, и пребы неколико лет не виде его, дондеже на Греки иде. И пришедшу ему Киеву и пребывьшю 4 лета, на пятое лето помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви умрети. И призва старейшину конюхом, рече: «Кде есть конь мй, его же бега поставил кормити и блюсти его?». Он же рече: «Умерл есть». Олег же посмеася и укори кудесника, река: «То ти неправо глаголють волсви, но все то лжа есть: конь умерл есть, а я жив». И повеле оседлати конь: «А то вижду кости его». И прииде на место, идеже беша лежаще кости его голы и лоб гол, и сседе с коня, и посмеася рече: «От сего ли лба смърть было взяти мне?». И вступи ногою на лоб; и выникнувши змиа изо лба, и уклюну в ногу. И с того разболеся и умре. И плакашася людье вси плачемь великим, и несоша и погребоша его на горе, еже глаголеться Щековица; есть же могила его и до сего дни, словеть могыла Ольгова. И бысть всех лет княжения его 33.

Се же не дивно, яко от волхвованиа собывается чародейство. Якоже бысть во царство Доментианово некий волхв, именем Аполоний, Тиянин, знаем беаше, шествуа и творя всюду и в градах и в селех бесовьскаа чюдеса. От Рима бо пришед в Византию, умолен быв от живущих ту, сотворити сиа: отгнав множество змий и скоропий из града, яко не врежатися человеком от них; ярость коньскую обуздав, егда схожахуся боаре. Тако же и во Антиохию пришед, и умолен быв от них, томимом бо антиахияном от скоропий и от комар, сотворив медян скоропий и погребе его в земли, и мал столп мраморен постави над ним, и повеле трость держати человеком, и ходити по городу и звати, тростем трясомом: «Бес комара граду». И тако исчезнуша из града скоропиа и комарье. И спросиша же паки о належащем на граде трусе, вздохну, списа на дщице сеа: «Увы тебе, оканный граде, яко потрясешия много, и огнем одержим будеши, оплачеть же тя и при березе сый Оронтии». О нем же и великий Настасий божья града рече: «Аполонию же даже и доньне на нецех местех собываются створенаа, стоащаа ова на отвращение животен четверног, птица, могущи вредити человеки, другыя же на воздержание струам речным, невоздержанно текущим, но ина некаа на тленье и вред человеком сущаа на побежение стоать. Не точью бо за живота его така и таковая сотвориша бесове его ради, но и по смерти его пребывающе у гроба его знаменна творяху во имя его на прелщение оканным человеком, бошею крадомым на таковаа от дьавола». Кто убо что речеть о творящихся волшвенным прелщением делех? Яко таковой горазд бысть волшебством, яко воину зазряще ведый Аполоний, яко неистов на ся философскую хитрость имуще; подобашеть бо ему рещи якоже «Аз словом точью творих, их же хотяше», а не свершением творити повелеваемаа от него. Та же и вся ослабленьем божьим и творением бесовьским бывает, таковыми вещьми искушатися нашеа православныа веры, аще тверда есть и искря пребывающи господевы, и не влекома врагом мечетных ради чюдес и сотонин дел, творимых от враг и слуг злобы. Еще же, но именем господним, и пророчествоваша неции, яко Валам, и Саул, и Каиафа, и беси паки изгнаша, яко Июда и сынове Скевавли. Убо и не на достойных благодать детельствует многожды, да етеры свидетельствует, ибо Валам обоих бе щюжь – житья изящна и веры, но обаче сведетельствова в нем благодать инех ради смотраения. И Фараон таковой бе, но и тому будущаа предпоказа. И Навходоносор законопреступный, но и сему паки по мнозех сущих последи же род откры, тем авляя, яко мнози, прекостни имуще ум, пред образом Христовым знаменают иною кознью на прелесть человеком, не разумевающим добраго, якоже бысть Симон волхв, и Менандр и ини таковы, их ради поистене рече: «Не чюдеса прелщати подобаеть...».

В лето 6421. Поча княжити Игорь по Олзе. В се же время поча царьствовати Костянтин, сын Леонтов. И деревляне затворишася от Игоря по Олгове смерти.

В лето 6422. Иде Игорь на деревляны, и победив а?, и возложи на ня дань болши Олговы. В то же лето прииде Семион Болгарьский на Царьград, и сотворив мир, и прииде восвоаси.

В лето 6423. Приидоша печенези первое на Рускую землю, и сотворивше мир со Игорем, и приидоша к Дунаю. В си же времена прииде Семион, пленяя Фракию, греки же послаша по печенегу. Печенегом пришедшим и хотящим на Семеона, расварившеся греческия воеводы. Видевше печенези, яко сами на ся реть имуть, отъидоша всвоасы, а болгаре со грекы соступишася, и пересечени быша грекы. Семион же приа град Одрень, иже первое Арестов град нарицашеся, сына Агамемнон, иже во 3-х реках купався недуга избы ту, сего ради град во имя свое нарече. Последи же Андриан кесарь и? обнови, в свое имя нарече Андриан, мы же зовем Одреянем градом.

В лето 6424. В лето 6425. В лето 6426. В лето 6427.

В лето 6428. Поставлен царь Роман в Грекох. А Игорь воеваше на печенегу. В лето 6429. В лето 6430. В лето 6431. В лето 6432. В лето 6433. В лето 6434. В лето 6435. В лето 6436.

В лето 6437. Приде Семевон на Царьград, и поплени Фракию и Макидонью, и приде ко Царюграду в силе в велице, в гордости, и створи мир с Романом царем, и взратися всвоаси.

В лето 6438. В лето 6439. В лето 6440. В лето 6441.

В лето 6442. Первое приидоша угре на Царьград, и пленоваху всю Фракию; Роман сотвори мир со угры.

В лето 6443. В лето 6444. В лето 6445. В лето 6446. В лето 6447, В лето 6448.

В лето 6449. Иде Игорь на Греки. И послаша болгаре весть ко царю, яко идуть Русь на Царьград, скедий 10 тысящ. Иже придоша, и приплуша, и почаша воевати Вифаньския страны, и воеваху по Понту до Ираклия и до Фафлогоньски

земли, и всю страну Никомидийскую попленивше, и Суд весь пожгоша; их же емше, овехь растинаху, другия аки странь поставляюще и стреляху в ня, изимахуть, опаки руце съвязывахуть, гвозди железныи посреди главы въбивахуть им. Много же святых церквий огневи предаша, монастыре и села пожгоша, и именья немало от обою страну взяша. Потом же пришедшем воем от востока, Памфир деместик с 40-ми тысящъ, Фока же патрекий с макидоны, Федор же стратилат с фраки, с ними же и сановници боярьстии, обидоша русь около. Свещаша русь, изидоша, вружившеса, на греки, и брани межю ими бывши зъли, одва одолеша гръци. Русь же взратишася к дружине своей к вечеру, на ночь влезоша в лодьи и отбегоша. Феофан же сустрете в лядех со огнем, и пуцати нача трубами огонь на лодье руския. И бысть видети страшно чудо. Русь же видящи пламянь, вметахуса в воду морьскую, хотяще убрести; и тако прочии възвратишася всвояси. Темже пришедшим в землю свою, и поведаху кождо своим о бывшем и о ляднемь огни: «Якоже молонья, – рече, – иже на небесех, гръци имуть у собе, и се пуцающе же жагаху нас, сего ради не одолехом им». Игорь же, пришед, нача совкупляти вое многи, и посла по варяги многи за море вабя и? на греки, паки хотя поити на ня.

В лето 6450. Семеон иде на храваты, и побежен бысть храваты, и умре, оставив Петра князя, сына своего, болгаром.

В лето 6451. Паки придоша угри на Царьград, и мир створивше с Романом, возвратишася всвояси.

В лето 6452. Игорь же, совкупив вои многи – варяги, русь, и поляны, словени, и кривичи, и теверьце, и печенеги наа и тали у них поя, поиде на Греки в лодьях и на коних, хотя мьстити себе. Се слышавше корсунци, послаша к Раману, глаголюще: «Се идут русь, бещисла корабль, покрыли суть море корабли». Тако же и болгаре послаша весть, глаголюще: «Идут русь, и наяли суть к собе печенеги». Се слышав царь посла к Игорю лучие боляре, моля и глаголя: «Не ходи, новозьми дань, юже имал Олег, придамь и еще к той дани». Тако же и к печенегом посла паволоки и злато много. Игорь же, дошед Дуная, созва дружину, и нача думати, и поведа им речь цареву. Реша же дружина Игорева: «Да аще сиче глаголеть царь, то что хотим боле того: не бившеса имати злато, и сребро, и паволоки? Егда кто весть: кто одолеетъ, мы ли, оне ли? Ли с морем кто светен? Се бо не по земли ходим, но по глубине морьстей: обьча смерть всем». Послуша их Игорь, и повеле печенегом воевати Болгарьску землю; а сам взял у грек злато и паволоки и на вся воя, и взратися вспять, и приде к Киеву всвояси.

В лето 6453. Присла Роман, и Костянтин и Степан слы к Игореву построити мира первого. Игорь же глагола с ними о мире. Посла Игорь муже своя к Роману. Роман же созва боляре и сановники. Приведоша руския слы, и велеша глаголати и писати обоих речи на харатье...

Послании же слы Игорем придоша к Игореву со слы гречьскими, и поведаша вся речи царя Рамана. Игорь же призва слы гречьския, рече им: «Глаголите, что вы казал царь?». И реша слы цареви: «Се посла ны царь, рад есть миру, хочеть мир имети со князем руским и любве. Твои слы водили суть царе наши роте, и нас послаша роте водит тебе и муж твоих». Обещася Игорь сице створити. Заутра призва Игорь слы, и приде на холм, кде стояше Перун, и покладаша оружие свое, и щиты и золото, и ходи Игорь роте и люди его, елико поганых руси; а хрестеяную русь водилша роте в церкви святаго Ильи, яже есть над Ручаем, конец Пасынъче беседы, и козаре: се бо бе сборная церкви, мнози бо беша варязи хрестеяни. Игорь же, утвердив мир с греки, отпусти слы, одарив скорою, и чалядью и воском, и отпусти я; слы же придоша ко цареви, и поведаша вся речи Игоревы и любовь юже к греком.

Игорь же нача княжити в Киеве, мир имея ко всем странам. И приспе осень, и нача мыслити на деревляны, хотя примыслити большую дань,

В лето 6453. В се же лето рекоша дружина Игореву: «Отроци Свеньлжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». И послуша их Игорь, иде в Деревя в дань, и примышляше к первой дани, и насиляше им и мужи его. Возьемав дань, поиде в град свой. Идущу же ему вспять, размыслив, рече дружине своей: «Идете с данью домови, а я возвращаюся, похожу и еще». Пустити дружину свою домови, с малом же дружины возвратися, желая больша имения. Слышавше же деревляне, яко опять идетъ, сдумавше со князем своим Малом: «Аще ся въвадитъ волк в овце, то выносить все стадо, аще не убьютъ его; тако и се, аще не убьем его, то вся ны погубить». И послаша к нему, глаголюще: «Почто идеши опять? Поимал еси всю дань». И не послуша их Игорь, и вышедше из града Изкорстеня деревляне убиша Игоря и дружину его; бе бо их мало. И погребен бысть Игорь, и есть могила его у Искоръстеня града в Деревех и до сего дне.

Вольга же бяше в Киеве с сыном своим с детьском Святославом, и кормилецъ его Асмуд, и воевода бе Свенелд, – то же отецъ Мистишин. Реша же деревляне: «Се князя убихом рускаго; поимем жену его Вольгу за князь свой Мал и Святослава, и створим ему, якоже хоцем». И послаша деревляне лучьшие мужи, числом 20, в

лодѣи к Ользе, и присташа под Боричевым в лодѣи. Бе бо тогда вода текущи вздоле горы Киевския, и на подольи не седяху людѣи, но на горе. Град же бе Киев, идеже есть ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор княжь бѣше в городе, идеже есть ныне двор Воротиславль и Чюдин, а перевесище бе вне града, и бе вне града двор другый, идеже есть двор дѣмьстиков за святою Богородицею; над горою двор теремный, бе бо ту терем камен. И поведаша Ользе, яко деревляне придоша, и возва я Ольга к собе и рече им: «Добри гостѣи придоша». И реша деревляне: «Придохом, княгине». И рече им Ольга: «Да глаголите, что ради придосте семо?» Реша же дѣмьстиковы: «Посла ны Дѣрѣвская земля, рѣкуще сице: мужа твоего убихом, бѣше бо муж твой аки волк восхищя и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Дѣрѣвску землю, да поиди за князь нашъ за Мал»; бе бо имя ему Мал, князю дѣрѣвску. Рече же им Ольга: «Люба ми есть речъ ваша, уже мне мужа своего не кресити; но хочю вы почтити наутрия пред людѣи своими, а ныне идете в лодѣю свою, и лязите в лодѣи величающесе, и аз утро послю по вы, вы же рѣцете: не едем на конех, ни пеши идем, но понесете ны в лодѣи; и възнесутъ вы в лодѣи»; и отпусти я в лодѣю. Ольга же повеле ископати яму велику и глубоку на дворе теремьстемь, вне града. И заутра Волга, седящи в тереме, посла по гости, и придоша к ним, глаголюще: «Зоветь вы Ольга на честь велику». Они же реша: «Не едем на коних, ни на возех, ни пеши идем, понесете ны в лодѣи». Реша же кияне: «Нам неволя; князь нашъ убьен, а княгини наша хочет за вашъ князь»; и понесоша я в лодѣи. Они же седяху в перегѣбех в великих сустугах гордящесе. И принесоша я на двор к Ользе, и, несше, вринуша е? в яму и с лодѣею. Приникши Ольга и рече им: «Добра ли вы честь?» Они же реша: «Пуща ны Игоревы, смерти». И повеле засыпати я живы, и посыпаша я.

И пославши Ольга к деревлянѣм, рече им: «Да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да в велице чти приду за вашъ князь, еда не пустять мене людѣи киевстии». Се слышавше деревляне, избраша лучшии мужи, иже дѣрѣжаху Дѣрѣвску землю, и послаша по ню. Деревлянѣм же пришедшим, повеле Ольга мовь створити, рѣкуще сице: «Измывшесе придите ко мне». Они же пережѣгоша истопку, и влезоша деревляне, начаша ся мыти; и запроша о них истобку, и повеле зажечи я от дверей, ту изгореша вси. И посла к деревлянѣм, рѣкущи сице: «Се уже иду к вам, да пристройте меды многи в граде, идеже убисте мужа моего, да поплачюся над гробом его, и створю трызну мужю своему». Они же, то слышавше, съвезоша меды многи зело, и взвариша. Ольга же, поимши мало дружины, легъко идущи приде к гробу его, и плакася по мужи своем. И повеле людѣм своим ссути могилу велику, и яко соспоша, и повеле трызну творити. Посемь седоша деревляне пити, и повеле Ольга отроком своим служити пред ними. И реша деревляне к Ользе: «Кде суть дружина наша, их же

послахом по тя?» Она же рече: «Идутъ по мне с дружиною мужа моего». И яко упишася деревляне, повеле отроком своим пити на ня, а сама отъиде кроме, и повеле дружине своей сечи деревляны; и исекоша их 5000. А Ольга возвратися Киеву, и пристрои вои на прок их.

Начало княженья Святославля, сына Игорева. В лето 6454. Ольга с сыном своим Святославом собра вои много и храбры, и иде на Деръвьску землю. Я изидоша деревляне противу. И снемщемася обема полкома на скупь, суну копьем Святослав на деревляны, и копье лете сквозе уши коневы, и удари в ноги коневы, бе бо детеск. И рече Свенелд и Асмолдъ: «Князь уже почаль; потягнете, дружина, по князе». И победиша деревляны. Деревляне же побегоша и затворишася в градах своих. Ольга же устремися с сыном своим на Искоростень град, яко тее бяху убили мужа ея, и ста около града с сыном своим, а деревляне затворишася в граде, и боряхуся крепко из града, ведеху бо, яко сами убили князя и на что ся предати. И стоя Ольга лето, и не можаше взяти града, и умысли сице: посла ко граду, глаголюще: «Что хотите доседети? А вси гради ваши предашася мне, и ялися по дань, и делаютъ нивы своя и земле своя; а вы хотите измерети гладом, не имучеся по дань». Деревляне же рекоша: «Ради ся быхом яли по дань, но хоцещи мьщати мужа своего». Рече же им Ольга, яко «Аз мьстила уже обиду мужа своего, когда придоша Киеву, второе, и третье, когда творих трызну мужевы своему. А уже не хоцю мьщати, но хоцю дань имати помалу, и смирившися с вами поиду опять». Рекоша же деревляне: «Што хоцещи у нас? Ради даем медомь и скорою». Она же рече им: «Ныне у вас несть меду, ни скоры, но мало у вас прошю: дайте ми от двора по 3 голуби да по 3 воробьи. Аз бо не хоцю тяжьки дани взложити, якоже и муж мой, сего прошю у вас мало. Вы бо есте изнемогли в осаде, да сего у вас прошю мала». Деревляне же ради бывше, и собраша от двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша к Ользе с поклоном. Вольга же рече им: «Се уже есте покорилися мне и моему детяти, а идете в град, а я заутра отступлю от града, и поиду в градо свой». Деревляне же ради бывше, внидоша в град, и поведаша людем, и обрадовашася людье в граде. Волга же раздая воем по голуби комуждо, а другим по воробьеви, и повел к коемуждо голуби и к воробьеви привязывати церь, обертывающе в платки малы, ниткою поверзывающе к коемуждо их. И повеле Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробьи воем своим. Голуби же и воробьеви полетеша в гнезда своя, голуби в голубники, врабьеви же под стрехи; и тако взгарахуся голубьници, ово клети, ово веже, ово ли одрины, и не бе двора, идеже не горяше и не бе лъзе гасити, вси бо двори взгорешася. И побегоша людье из града, и повеле Ольга воем своим имати а?. Яко взя град и пожьже и?, старейшины же града изнима, и прочая люди овых изби, а другия работе предасть мужем своим, а прок их остави платити дань.

И взложиша на ня дань тяжьку; 2 части дани идета Киеву, а третьяя Вышегороду к Ользе, бе бо Вышегород град Вользин. И иде Вольга по Дервьвстей земли с сыном своим и с дружиною, уставляючи уставы и уроки; и суть становища ее и ловища. И приде в град свой Киев с сыном своим Святославом, и пребывши лето едино.

В лето 6455. Иде Вольга Новугороду, и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамянья и места и повосты, и сани ее стоять в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ее Ольжичи и доселе. И изрядивши, возвратися к сыну своему Киеву, и пребываше с ним в любви.

В лето 6456. В лето 6457. В лето 6458. В лето 6459. В лето 6460. В лето 6461. В лето 6462.

В лето 6463. Иде Ольга в Греки, и приде Царюгороду. Бе тогда царь Костянтин, сын Леонов; и приде к нему Ольга, и видев ю? добру сущю зело лицом и смыслену, удивився царь разуму ея, беседова к ней, и рек ей: «Подобна еси царствовати в граде с нами». Она же, разумевши, рече ко царю: «Аз погана есмь, да аще мя хочещи крестити, то крести мя сам; аще ли, то не крещюся»; и крести ю? царь с патреархом. Просвещена же бывши, радовашесея душею и телом; и поучи ю? патреарх о вере, и рече ей: «Благословена ты в женах руских, яко возлюби свет, а тьму остави. Благословити тя хотять сынове рустии и в последний род внук твоих». И заоведа ей о церковномъ уставе, о молитве и о посте, о милостыни и о въздержаньи тела чиста. Она же, поклонивши глазу, стояше, аки губа напаяема, внимаючи ученья; и поклонившися патреарху, глаголющи: «Молитвами твоими, владыко, да сохранена буду от сети неприязньны». Бе же речено имя ей во крещеньи Олена, якоже и древняя царица, мати Великаго Костянтина. И благослови ю? патреарх, и отпусти ю?. И по крещеньи возва ю? царь, и рече ей: «Хощю тя пояти себе жене». Она же рече: «Како хочещи мя пояти, крестш мя сам и нарек мя дщерею? А в хрестеянех того несть закона, а ты сам веси». И рече царь: «Переключокала мя еси, Ольга». И дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю?, нарек ю? дщерею себе. Она же хотящи домови, приде к патреарху, благословенья просящи на дом, и рече ему: «Людые мои пагани и сын мой, дабы мя бог сблюл от всякого зла». И рече патреархъ: «Чадо верное! Во Христа крестилася еси, и во Христа облечесея, Христос имать сохранити тя: якожеохрани Еноха в первыя роды, и потом Ноя в ковчезе, Аврама от Авимелеха, Лота от содомлян, Моисея от Фараона, Давыда от Саула, 3 отроци от печи, Данила от

зверий, тако и ты избавить от неприязни и от сетий его»; и благослови ю? патрарх, и иде с миром в свою землю, и приде Киеву. Се же бысть, якоже при Соломане приде царица ефиопская к Соломану, слышати хотящи премудрости Соломани, и многу мудрость виде и знамяня: тако же и си блаженная Ольга искаше доброе мудрости божья, но она человечески, а си божья. «Ищющи бо мудрости обрящють»; «Премудрость на исходищих поется, на путех же деръзновенье водить, на краих же забральных проповедаеть, во вратех же градных дерзаючи глаголеть: елико бо лет незлобвии держатся по правду...». Си бо от възраста блаженная Ольга искаше мудростью, что есть луче всего в свете семь, налезе бисер многоценен, еже есть Христос. Рече бо Соломанъ: «Желанье благоверных наслажает душу»; и «Приложиши сердце твое в разумъ»; «Аз любящая мя люблю, и ищющи мене обрящуть мя». Господь рече: «Приходящаго ко мне не изжену вон».

Си же Ольга приде Киеву, и присла к ней царь гречьский, глаголя, яко «Много дарих тя. Ты бо глаголаше ко мне, яко аще възвращюся в Русь, многи дары прислю ти: челядь, воск и скру, и вои в помощь». Отвещавши Ольга, и рече к слом: «Аще ты, рьци, тако же постоиши у мене в Почайне, якоже аз в Суду, то тогда ти дамы». И отпусти слы, с рекши.

Живяше же Ольга с сыном своим Святославом, и учащеть и? мати креститися, и не брежаше того ни во уши приимати; но аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахуся тому. «Неверным бо вера хрестьяньска уродство есть»; «Не смыслиша бо, ни разумеша во тьме ходящии», и не ведять славы господня; «Одебелеша бо сердца их, ушюма тяжко слышати, а очима видети». Рече бо Соломанъ: «Дела нечестивых далече от разума», «Понеже звах вы, и не послушасте мене, прострох словеса, и не внимасте, но отметасте моя светы, моих же обличений не внимасте»; «Взненавидеша бо премудрость, а страха господня не изволиша, ни хотяху моих внимати свет, подражаху же мои обличенья». Якоже бо Ольга часто глаголашеть: «Аз, сыну мой, бога познах и радуюся; аще ты познаеши, и радоватися почнешь». Он же не внимаше того, глаголя: «Како аз хочю ин закон прияти един? А дружина моа сему смеятися начнуть». Она же рече ему: «Аще ты крестишися, вси имуть тоже створити». Он же не послуша матере, творяше норovy поганьския, не ведый, аще кто матере не послушает, в беду впадает, якоже рече: «Аще кто отца ли матере не послушает, то смерть прииметь». Се же к тому гневашеся на матерь. Соломан бо рече: «Кажай злыя приемлеть себе досаженье, обличаяй нечестиваго поречеть, себе; обличенья бо нечестивым мозолие суть. Не обличай злых, да не взненавидять тебе». Но обаче любяше Ольга сына своего Святослава, рькущи: «Воля божья да будет; аще бог хочеть помиловати рода моего и земле Руские,

да взложить им на сердце обратиться к богу, якоже и мне бог дарова». И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся нощи и дни, кормящи сына своего до мужства его и до возраста его.

В лето 6464. В лето 6465. В лето 6466. В лето 6467. В лето 6468. В лето 6469. В лето 6470. В лето 6471.

В лето 6472. Князю Святославу возрастшу и взмужавшу, нача вои совокупляти многи и храбры, и легко ходя, аки пардус, войны многи творяше. Ходя воз по себе не возяше, ни котля, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину на углех испек ядыше, ни шатра имяше, но подклад постлав и седло в головахъ; тако же и прочии вои его вси бяху. И посылаше к странам, глаголя: «Хочю на вы ити». И иде на Оку реку и на Волгу, и налезе вятичи, и рече вятичемъ: «Кому дань даете?». Они же реша: «Козаром по щяльгу от рала даем».

В лето 6473. Иде Святослав на козары; слышавше же козари, изидоша противу с князем своим Каганом, и съступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав козаром и град их и Белу Вежю взя. И ясы победы и касогы.

В лето 6474. Вятичи победы Святослав, и дань на них взложи.

В лето 6475. Иде Святослав на Дунай на Болгары. И бившемъся обоим, одоле Святослав болгаром, и взя город 80 по Дунаеви, и седе княжа ту в Переяславци, емля дань на гръцех.

В лето 6476. Придоша печенези на Руску землю первое, а Святослав бяше Переяславци, и затворися Волга в граде со унуки своими, Ярополком и Ольгом и Володимером, в граде Киеве. И оступиша печенези град в силе велице, бещислено множество около града, и не бе лъзе из града вылести, ни вести послати; изнемогаху же людье голодом и водою. Собравшеся людье оная страны Днепра в лодьях, об ону страну стояху, и не бе лъзе внити в Киев ни единому их, ни из града к онем. И встужиша людье в граде и реша: «Несть ли кого, иже бы мог на ону страну дойти и речи им: аще не подступите заутра, предатися имам печенегом?» И рече един отрокъ: «Аз преиду». И реша: «Иди». Он же изиде из града с уздою, и ристаше сквозе печенеги, глаголя: «Не виде ли коня никтоже?». Бе бо умея печенежски, и мняхуть и? своего. И яко приближися к реце, сверг порты сунуся в Днепр, и побреде. Видевше же печенези, устремишася на нь, стреляюще его, и не моглоша ему ничтоже створити. Они же видевше с оная

страны, и приехала в лодыи противу ему, и взяша и? в лодью и привезоша и? к дружине. И рече им: «Аще не подступите заутра к городу, предатися хотять людье печенегом». Рече же воевода их, имянем Претичь: «Подступим заутра в лодьях, и, попадше княгиню и княжиче, умчим на сю страну. Аще ли сего не створим, погубити ны имать Святослав». Яко бысть заутра, вседше в лодыи противу свету и въструбиша вельми, и людье в граде кликнуша. Печенези же мнеша князя пришедша, побегоша разно от града. И изиде Ольга со унуки и с людьми к лодьям. Видев же се князь печенежский, взратися един к воеводе Претичю и рече: «Кто се приде?». И рече ему: «Людье оная страны». И рече князь печенежский: «А ты князь ли еси?». Он же рече: «Аз есмь муж его, и пришел есмь в сторожех, и по мне идетъ полк со князем, бещисла множество». Се же рече, грозя им, Рече же князь печенежский к Претичю: «Буди ми друг». Он же рече: «Тако створю». И подаста руку межю собою, и вдасть печенежский князь Претичю конь, саблю, стрелы. Он же дасть ему броне, щит, мечь. И отступиша печенези от града, и не бяше льзе коня напоити: на Лыбеди печенези. И послаша кияне к Святославу, глаголюще: «Ты, княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабив, малы бо нас не взяша печенези, и мать твою и дети твои. Аще не поидеши, ни обраниши нас, да паки ны возмутъ. Аще ти не жаль очины своя, ни матере, стары суща, и детей своих?» То слышав Святослав, вборзе вседе на коне с дружиною своею, и приде Киеву, целова мать свою и дети своя, и съжалися о бывшем от печенег. И собра вои, и прогна печенеги в поли, и бысть мир.

В лето 6477. Рече Святослав к матери своей и к боляром своим: «Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся: от Грек злато, паволоки, вина и

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/letopisec-nestor/povest-vremennyh-let-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)